

ЦВЕТЫ В ПОЭЗИИ ПУШКИНА

В стихотворении «Красавице, которая нюхала табак» (1814) юный Пушкин исчерпал значительную долю наиболее часто встречающихся в его поэзии цветов:

Возможно ль? Вместо роз, амуром насажденных,
(Тюльпанов, гордо наклоненных),
Душистых ландышей, ясинов и лилей...
Ты любишь обонять не утренний цветок,
А вредню траву зелену...

Природа этих образов, очевидно, литературна: «розы» не столько «насаждены амуром», сколько пересажены с работок французской поэзии.

Ни в стихах Пушкина, ни в его прозе, ни даже в письмах нет ничего, что говорило бы о специальной любви его к цветам. Можно, не руководствуясь лексическим перечнем, догадываться, что Пушкин, разумеется, любовался цветами, но это не пристрастие «цветолюбца». И дети бывали для Пушкина привлекательны, но сказать, что любовь к детям была его характерной чертой, было бы неправдой.

Цветы были для Пушкина равноправным поэтическим материалом, он никогда не писал о них риторических стихотворений, нигде не отразил в своем творчестве этой традиции европейской и восточной поэзии.

Тем более он не подходил к цветам и как исследователь природы, его — гуманиста, филолога, историка — занимали человек и его судьбы. Никаких наблюдений вроде гетовских Пушкин не вел.

Слово «цветы» (pluralis) встречается у Пушкина множество раз. Но у этих «цветов» нет, как правило, конкретного индивидуального содержания. Когда Пушкин говорит:

Цветы последние милей
Роскошных первоцветов полей... —

1825

он даже не стремится к объективной верности: весенние полевые цветы, особенно нашей средней полосы, не роскошны. Общее противопоставление, за которым чувствуется глубокое человеческое содержание, целиком подчиняет себе образ.

И в единственном числе слово «цветок» не наполняется конкретным содержанием:

Цветок засохший, безуханный,
Забывтый в книге, вижу я...

«Цветок», 1828.

Обобщенность могла происходить и оттого, что Пушкин едва ли интересовался сортами цветов, особенно полевых, и просто мало их знал.

В «Послании к Юдину» (1815) с описанием идиллического житья в Захарыне (у поэта — Захарово) есть такие строки:

...Туда зарею поспешаю
С смиренным заступом в руках,
Тюльпан и розу поливаю,
И счастлив в утренних трудах...

Не так легко представить себе шестнадцатилетнего Пушкина с «заступом» и лейкой. Тут все стилизация, и это заставляет вносить существенные поправки в правдоподобие «Послания». Скучность упоминания о цветах в захаровском саду особенно бросается в глаза, если сравнить строку, где упоминаются «тюльпан» и «роза», с несколькими стихами, чуть ниже, где поэт, почти подержавински, говорит о сельском столе, накрытом самим «вельем»:

...Хлеб-соль на чистом покрывале;
Дымятся щи; вино в бокале;
И щука в скатерти лежит...

В применении к цветам описательные средства Пушкина становятся чрезвычайно скупы. Эпитетов, относящихся к запаху цветов, у Пушкина, можно сказать, нет вовсе: «душистые ландыши» в упомянутом стихотворении «Красавице, которая нюхала табак» едва ли не единственный пример. Скупы у Пушкина и цветочные определения. Это можно отнести на долю общей «графичности» его стиля. Однако, когда дело идет о лесах, да еще в любимую осеннюю пору, «гравюра» как бы раскрашивается:

...В багрец и золото одетые леса...

Отношение Пушкина к цветам как поэтическому материалу не может быть оторвано от общего развития вкуса в России того времени, и не только в России. Изменение вкуса явственно намечается в посленаполеоновскую эпоху и приобретает устойчивые формы в 30—40-х годах. В живописи его характеризует Карл Брюллов.

Черты нового вкуса и соответственно новой поэтики проявляются уже у Лермонтова. Пусть многие его стихи почти повторяют Пушкина, в его поэзии чувственный мир приобретает новые эстетические качества. Сравним:

У Пушкина (об Ольге)

...В глазах родителей она
Цвела, как ландыш потаенный,
Незнаемый в траве глухой
Ни человеком, ни пчелой...

«Потаенность», «скрытность» ландыша в «траве глухой» больше говорят о воспитании Ольги, чем о самом ландыше.

У Лермонтова «ландыш» не таков:

... Когда росой обрызганный, душистый,
Румяным вечером иль в утра час золотой
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой...

1837.

Все стихотворение устремлено к концовке, заключающей основную мысль, но каждая строфа, хоть и подчиненная основной мысли, дает простор богатому изображению природы.

Перейдем к наблюдениям позитивного характера.

У Пушкина в стихах и прозе встречается не менее пятнадцати названий цветов, — среди них уже упоминавшийся «ландыш», — из которых семь по одному разу, а именно: «дурман», «подснежник», «ясмин» (жасмин), «звезда» (духовитое растение семейства зонтичных), «белена» (в «Сказке о рыбаке и рыбке»), «ромашка» (как лекарство). Несколько раз упоминается Пушкиным «повилика», но, судя по применению названия, поэт объединял под этим словом какие-то разные вьющиеся растения, которых, видимо, сам не различал; определить их по пушкинскому тексту не представляется возможным.

Переходим к цветам, применение названий которых Пушкиным непосредственно относится к его поэтике.

Я имею в виду группу цветов, которые можно назвать «классическими». Я не решился бы назвать их «литературными»: они проникли на страницы Пушкина лишь в некоторой мере из книг, но гораздо больше из многообразной эстетической, религиозной и бытовой культуры. В эту группу входят четыре вида, освященные все же в первую очередь мировой поэтической традицией: «роза», «лилия» («лилея»), «мак» и отчасти «фиалка». Прямое причисление «фиалки» к этой группе сомнительно, — «фиалка» обычно служила символом девической невинности, скромности, беспомощности и вызывала сентиментальные эмоции.

Чаще всего упоминается Пушкиным «роза», — чаще, чем все другие цветы, вместе взятые. Каждому памятна «роза» пятнадцатилетнего поэта:

Где наша роза?
Друзья мои!..

Впоследствии «роза» сопровождала Пушкина во всем его творчестве. Каковы же аспекты и функции «царицы цветов» в его поэтике?

Прежде всего следует отметить, что «роза», просто как цветок, как предмет непосредственного восприятия, у Пушкина почти не встречается, что мы покажем ниже.

«Розы», без метафорического смысла, реальные (но не реалистические), присутствуют уже в описании садов Черномора. Один раз это розовые цветущие кусты.

... Повсюду роз живые ветви
Цветут и дышат по тропам...

В другой раз «неведомая сила» осторожно опускает Людмилу на ложе —

... Сквозь фициам вечерних роз...

Менее литературны «розы» «Бахчисарайского фонтана». Пушкин вспоминает былое «дремлющего в забвеньи» ханского дворца:

... Еще донныне дышет нега
В пустых покоях и садах;
Играют волны, рдеют розы...

И несколько строками ниже:

... Дыханье роз, фонтанов шум
Влекли к невольному забвенью...

Третье место в «Бахчисарайском фонтане», где упоминается «роза», полностью литературно:

... И с милой розой неразлучны,
Во мраке соловьи поют...

Эта реминисценция классической Персии живо напоминает стихотворение —

... В безмолвии садов, весной, во тьме ночей
Поет над розою влюбленный соловей;
Но роза милая не чувствует, не внемлет...

«Соловей и роза», 1827.

Обращает на себя внимание повторенный в обоих случаях эпитет «милая».

Один лишь раз в творчестве Пушкина встречаем мы розы конкретные, жизненные, индивидуализованные вдобавок указанием их числа:

... Фонтан любви, фонтан живой,
Принес я в дар тебе две розы...

«Фонтану бахчисарайского дворца», 1824.

Поэта занимает, однако, больше действие, самый жест принесения роз к фонтану, их посвящение его «поэтическим слезам», порождающим ряд элегических раздумий. Действенность, драматургичность творчества Пушкина, видимо, не позволяла ему медлить на пассивной прелести цветов, как таковых. Прибавим, что

эти две дарственные, или жертвенные, розы даны Пушкиным в свойственной ему графической манере: Пушкин доверял воображению своих читателей и предоставлял им свободу в выборе цветовых решений. Двумя розами, положенными на мрамор «фонтана слез», мы исчерпываем всю наличность живых, не «литературных» роз в его творчестве.

Существенней то, что «роза» служит Пушкину во многих поэтических приемах, прежде всего в многочисленных «сравнениях». Так, в «Бахчисарайском фонтане» читаем:

... Но тот блаженней, о Зарема,
Кто, мир и негу возлюбя,
Как розу, в тишине гарема
Лелеет, милая, тебя...

Сравнения с розой не только теперь кажутся устарелыми, но и в начале XIX в. не могли производить впечатления новизны, чего от них и не требовали.

Пушкин несомненно любил сравнения этого рода и, видимо, не ощущал их как поэтические клише. Сравнение с розой оставалось для него полноценным всю жизнь. Во всяком случае, в таком зрелом произведении, как «Медный всадник», Пушкин продолжал говорить:

... Девичьи лица ярче роз...

Девушка и ее красота постоянно вызывают у Пушкина образ «розы». Он прибегает к своему любимому сравнению не только в стихах. Так, в «Арапе Петра Великого» сказано: «Две юные красавицы, высокие, стройные, свежие, как розы, стояли за нею...».

Пушкин вообще не боялся общепринятых сравнений. Благодаря их распространенности и вместе с тем эстетической убедительности он, видимо, воспринимал их как законный и естественный элемент стиля, утвержденный традицией, теряющейся в веках, — поэтому их лишь условно можно причислить к литературным клише, обычно применяемым без внутреннего оправдания.

Обращает на себя внимание система сравнений в начале «Полтавы». Утверждение, что «В Полтаве нет Красавицы Марии равной», сперва подкрепляется тем, что

... Она свежа, как вешний цвет,
Взледеянный в тени дубравной...

Это уже знакомый нам обезличенный цветок. Далее следует сравнение ее стана с «тополем киевских высот», ее движений — с «ходом» лебедя и бегом лани и т. д. Вряд ли можно сомневаться в том, что Пушкин сознательно построил целый ряд родственных

параллельных сравнений, даже особо подчеркнул их обычность, но его эстетическая задача остается все же неясной. Примечательно, что заключительный член ряда повторяет привычное сравнение:

... Ее уста, как роза, рдеют...

Метафорически образ «розы» применяется Пушкиным во множестве близких друг другу случаев. Иногда «роза» лишь определение внешнего качества, — таковы «розы пламенных ланит» в 1-й главе «Онегина». Порою «роза» возникает как обозначение душевных состояний или жизненных обстоятельств:

... Доселе в резвости беспечной
Брели по розам дни мои...

«Послание к Юдину». 1815.

Или:

... Уснув меж розами, на тернах я проснулся...

«Шишкову», 1817—1829.

Или, наконец:

... Судите же, какие розы
Нам заготовит Гименей...

Подобных приемов много, особенно в лицейских стихах.

Даже в письме (к Н. И. Кривцову, 1831) Пушкин прибегает к той же метафоре, настолько она уже не казалась ему стилистическим приемом: «Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей».

В некоторых случаях «роза» обнаруживает у Пушкина свои античные корни:

... Кто на снегах возрастил феокритовы нежные розы?..

1829.

Неудивительно, что восходящая к античности «роза» подчас соседствует в стихах Пушкина с «лавром», столь же склонным стать метафорой и столь же оправданным поэтической традицией. Пушкин сетовал, что Денис Давыдов отвернулся от поэзии: покинул «лавр» и «розы» («Недавно я в часы свободы», 1822).

Много раз встречается у Пушкина уподобление женщин «розам». Так, в «Путешествии в Арзрум» сказано, что жена Осман-паши показалась ему «розою любви». К этой группе метафор относится всем памятный образ из «Пира во время чумы»:

... И девы-розы пьем дыханье, —
Быть может — полное чумы...

Из группы «классических» цветов остаются еще «мак» и «лилия». «Мак» Пушкина неизменно мифологичен. Нигде поэт

не упоминает о «маке» как о цветниковом или полевом, тем более огородном растении: При каждом упоминании «мака» Пушкиным перед нами встают тени Овидия или Горация. «Мак» Пушкина всегда символ сна, дремоты, например:

... И в час безмолвной ночи,
Когда ленивый мак
Покроет томны очи...

«Городок», 1815.

Или:

... Так в зимний вечер сладкий сон
Приходит к мирной сени,
Венчанный маком, и склонен
На посох томной лени...

«Мечтатель», 1815.

Классицизм «лилии» как символа гордой и чистой красоты более обязан Библии, чем античности. Но применение образа лилии близко в поэзии Пушкина к применению образов «розы» и «мака».

Так, в сравнении:

... С пятнадцатой весною,
Как лилия с зарею,
Красавица цветет...

«Фавн и пастушка»,
1813—1817.

Или обобщенно:

... На ложе маков и лилей...

«Мое завещание
друзьям», 1815.

«Роза» вместе с «лилией», но, разумеется, без лавра служат Пушкину и для некоторых эротических намеков («Я один в беседе с нею», «Гавриилада»).

Нетрудно заметить, что образы цветов встречаются у Пушкина преимущественно в лицейский период, в связи с увлечением французской и античной поэзией. Но отношение к ним как материалу и в дальнейшем по существу не меняется. Они остаются почти без исключения вне описательного реализма и обогащают собою разнообразные приемы сравнения и иносказания.

После Пушкина в русскую поэзию войдут, и довольно широко, цветы «реалистические», сохраняя лишь в некоторой доле те функции, которые были характерны для него и его плеяды. Эти «реалистические» цветы встретим — мы при различном коэффициенте дарования — у Тютчева, Алексея Толстого, Майкова и многих других. Классическая пушкинская «роза» мелькнет еще в поэзии Фета, чтобы на рубеже XX столетия расцвести вновь и по-новому в поэзии русского символизма.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ПОЭТИКА
И СТИЛИСТИКА
РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПАМЯТИ АКАДЕМИКА
ВИКТОРА ВЛАДИМИРОВИЧА
ВИНОГРАДОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Ленинградское отделение
ЛЕНИНГРАД 1971